

вую кабалу Запада) и вывоза сырья. К этому добавлялись расходы на военную машину и бюрократию. Промышленный переворот принял такой оборот, доказывали народники, что он подрывает основы всей экономики и жизненные условия населения. Вместо достижения "цивилизованности" и ликвидации исторического кризиса происходит его усугубление и воспроизводство на новом уровне. Неоспоримым свидетельством деструктивного характера капитализма в России народники считали господство здесь сферы обращения, вторичной по своей сути, над сферой производства.

Посредник, маклер, спекулянт, ростовщик и т. д. поселяются на общественном организме страны, истощая и деформируя его развитие, а трудящимся приходится оплачивать это собственное организованное ограбление. Общий вывод был таков, и с ним согласился Маркс: страна оказывается окутанной сетью финансового мошенничества и международного грабежа. На стремлении России цивилизовываться наживалась целая свора различных товаро-закупочных и финансовых аферистов, многократно усугублявших и без того немалые трудности. Выход Маркс видел один - революция.

Последующий ход событий хорошо известен. Октябрьская революция сняла одни проблемы, создала новые, но многие из старых проблем остались. Главная из них - проблема вхождения в индустриальный мир, т.е. индустриализация и ее социальные последствия, соотношение аграрной и промышленной сферы, пути ликвидации отсталости в стране "третьего мира" и др. В 20-е годы, после окончания гражданской войны и краха "военного коммунизма", эти проблемы выдвинулись на первый план. К этому времени все серьезные направления российской общественной мысли пересматривают свой старый идейный багаж, т.к. ничьи пророчества по вопросу о том, куда идет Россия, не оправдались.

Свой идейный багаж по вопросу достижения "цивилизованности" в России пересматривает и большевизм, особенно начиная с 1921 г. Вновь всплыли старые темы, обсуждавшиеся еще народничеством. Этим страницам из истории 20-х годов и отведена данная работа.

Бухарин здесь выбран центральной фигурой для рассмотрения, поскольку он оказался в эпицентре обсуждений. Первым, среди ленинских учеников, он почувствовал катастрофические последствия крестьянофобии и связанного с нею того варианта индустриализма, который возводился на разорении крестьянства и разрушении аграрной сферы. Он решительнее других деятелей

его круга начал добиваться обновления старого большевизма с целью выхода из тупика, в который тот вогнал себя и Россию своим "военным коммунизмом".

Неизбежное превращение России из страны аграрной в аграрно-индустриальную ставило крест не только на славянофильских попытках отмахнуться от рабочего вопроса, но и на крестьянофобии старого большевизма, прикрытой лозунгом "диктатура пролетариата". Крестьянин, так же как и рабочий, должен выступать полнокровным хозяином в собственном доме, а не каким-то пресловутым "союзником".

Большевизм знает две, и обе провалившиеся, модели модернизации России - так называемый "военный коммунизм" и НЭП. Поборником первой модели был Троцкий со своими сторонниками, вторую отстаивал Бухарин. Оба вышли из Ленина, но апеллировали к различным сторонам и периодам в ленинской идейной эволюции.

Собственная русофобия не позволила Бухарину дойти до понимания той элементарной истины, что все крестьянские вопросы в России упираются в русский вопрос, поскольку именно крестьянство составляло подавляющую часть населения России с его стомиллионной славянской частью в центральных районах страны. В этом пункте аграрный и национальный вопросы переходили друг в друга, а крестьянофобия выступала одной из форм геноцида русского народа.

Если Троцкий стремился сохранить и русофобию и крестьянофобию, то Бухарин хотел русофобии, но без крестьянофобии. Бухарин вслед за Лениным 20-х годов, начал догадываться, что без крепкого и культурного крестьянства Россия никогда не только не построит социализма, но и не сможет вообще решить никаких вопросов русского государственного бытия - ни построить индустрию, ни создать боеспособную армию, ни отстоять своего достойного места в ряду великих держав. В этом и состояла суть агропромышленного синтеза, т.е. гармоничной кооперации промышленной и аграрной сфер народного хозяйства, "смычки" города и деревни, пролетария и крестьянина ради общего подъема страны и без ущемления какой-либо из этих групп трудового народа. Все эти истины - не бог весть какой величины, но у других ленинских наследников и этого не было. Троцкий, например, на Россию вообще смотрел лишь как на топливо для вселенского пожара "перманентной пролетарской революции".

Наше обращение к этой стороне истории вызвано тем, что "перестроечные" авторы в ходе недавней шумной реабилитации Бухарина, а затем втихомолку и Троцкого, старательно обошли

решительную схватку Бухарина с троцкизмом. Последняя нередко представлена в качестве досадного недоразумения в стане единомышленников, не сумевших выставить единый заслон против Сталина. Но такие заполнения "белых пятен" истории чем попало существенно искажают действительную картину.

В западной литературе широко обсуждался вопрос о том, представлял ли Бухарин альтернативу Сталину. Обзор дискуссий по данной теме содержится в нашей работе, чтобы читатель сам мог судить, сколь убедительны аргументы об этой альтернативе.

Еще одна интересная страничка в идейных баталиях 20-х годов о судьбах России обойдена в современной литературе и поднята в данной работе. Это - связь нэповской программы с народническими традициями. В данной работе эта тема поднимается путем обращения к имени лидера эсеров В.Чернова, чрезвычайно интересного неонароднического идеолога, неоправданно обойденного в сегодняшней литературе.

В своем самообновлении большевизм начал от идейного доктринерства после краха "военного коммунизма" поворачиваться лицом к действительным проблемам модернизации России, и Россия, со своей стороны, ставит большевизм себе на службу. Происходит их взаимосближение и ассимиляция. Поэтому следовать сегодняшним призывам "демократов" выбросить большевизм из истории как абсолютное зло и бедствие - означало бы снова резать по живому телу страны. В этом начавшемся самообновлении большевизма Бухарин - одна из колоритных фигур. Поворот лицом к России невольно сопровождался пересмотром его прежнего непримиримого отношения к народничеству. Нетрудно увидеть, что новые ленинско-бухаринские идеи о кооперации, о привлечении крестьянства в качестве строителя социализма возникли не на чистом месте и не без влияния народничества. Трудно сказать, кем бы остался Бухарин 20-х годов без заимствования идей так называемого "конструктивного социализма" В.Чернова. Этот "конструктивный социализм" и нэповские гдעי Ленина не такие уж антиподы, как принято считать. Этому вопросу отведен один из разделов работы.

Вопросы, поднятые в ходе этих дискуссий о судьбах России, не ушли в прошлое, поэтому историю необходимо знать ради будущего.

Считаем также необходимым отметить, что позиции авторов данной работы по ряду вопросов расходятся существенным образом.

Б.В.Богданов, Б.К.Ярцев

Бухарин - теоретик официального социализма

1. К постановке вопроса

Легенд о Бухарине к настоящему времени составлено великое множество. Российские проблемы, о которых он пытался судить, чрезвычайно сложны и исторически противоречивы, а многие остаются открытыми и по сей день. Кроме того, сам Бухарин - фигура двулика. Его имя причудливо влетало в политические комбинации самого разного свойства и потому, зачастую, жил он не столько своими делами, сколько изменчивым составом этих комбинаций. Поэтому и сложилось широкое поле для выбора полярных оценок его деятельности. В зависимости от переменчивой конъюнктуры в схватках верхов за власть, в стране Бухарина поочередно то проклинали, то превозносили до небес.

Недавний пример тому - шумно проведенная "демократами" "кампания" вокруг реабилитации Бухарина и особенно в связи с его 100-летием со дня рождения. Подобной кампании еще не удаивалась ни одна из жертв сталинизма. Основная добавка "демократов" к идеям зарубежных авторов, уже давно писавших о Бухарине (Е. Карр, И. Дойчер, Р. Таккер, С. Коэн, участники дискуссий о т.н. "еврокоммунизме" и многие другие), свелась к прославлению его как предтечи яковлевско-горбачевской "перестройки". Он, мол, унес с собою скрытую тайну "социализма с человеческим лицом", которую правителям очень хотелось бы подсмотреть, чтобы еще более квалифицированно заботиться о благе народа. Все житие Бухарина было отнесено к общечеловеческим ценностям. Один из авторов всерьез даже приравнивал его к Христу. Но вскоре смысл всей этой бесовщины стал проясняться. Теперь уже любой политический младенец прекрасно знает, что "перестройка" - это лишь кодовое название преступной операции по разграблению и ликвидации страны и превращению ее в колонию для западного финансового капитала.

Когда преходящие дежурные задачи "демократов" были решены, а надувательство с использованием имени и идей Бухарина для антисоциалистических целей вскрылось, то "демократам" потребовались иные средства идеологического камуфляжа и о Бухарине с его "рыночным социализмом" тотчас же забыли. Горбачевско-ельцинской компании он не товарищ, поскольку он - социалист, противник торгашеской цивилизации и рыночной демократии, т.е. желанного капитализма с ним не построить. Патриотическим силам он тоже не нужен - как русофоб. Вероятно, интерес к нему останется теперь лишь у историков.

Пример иного рода легенд - известные клеветнические обвинения Бухарина в период социализма. А.Я.Вышинский называл его "проклятой" помесью лисы и свиньи. В статье "Правосудие" БСЭ читаем: правосудие есть средство "охраны прав граждан и подавления врагов народа, троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок".

Хвалебные легенды о себе составлял и сам Бухарин. О характере его самооценок можно составить представление, например, по восторженно-апологетической статье о нем ("вождь", "руководитель", "выдающийся" и т.п.) в т.8 Большой Советской Энциклопедии (1927). Автор статьи - его ученик и близкий друг Д.П.Марецкий, а на титуле тома стоит фамилия Бухарина как члена редколлегии этого издания, т.е. статья носит авторизированный характер. "Один из вождей ВКП(б) и Коммунистического Интернационала", "один из руководящих участников Октябрьской революции", "выдающийся теоретик коммунизма" - такова тональность статьи. В угодническом славословии в адрес Бухарина старались перещеголять друг друга и составители характеристик на этого своего высокопоставленного начальника для избрания его в члены Академии наук СССР в 1928 г.¹ Избрание состоялось.

В разные времена в легендах о Бухарине использовались то одни, то другие ленинские его оценки. Поэтому необходимо внимательно присмотреться и к этим оценкам.

В начальный период рекламного обеспечения "перестройки", когда крестные отцы ее еще публично клялись в верности" ленин-

---

¹ Вот некоторые из оценок: "крупнейший экономист нашего времени", "один из крупнейших выразителей марксистской мысли наших дней", "творец новых открытий... получивших свое распространение на всем земном шаре", "звезда первой величины, которая должна украсить собою Академию наук по социально-общественной кафедре", "тонкий диалектик" и т.п. Эти хвалебные оды воспроизведены в: *Бухарин Н.И. Избранные труды.* Л., 1988. С. 416-421.

скому курсу", а не Международному валютному фонду, Рейгану, Бушу и др., для широкого использования был введен с использованием ленинских слов образ Бухарина как "любимца всей партии" и "крупнейшего и известнейшего теоретика партии". Фарс суда над партией, этой родной матерью "перестройщиков", был еще впереди и потому данные хвалебные слова из ленинского "Письма к съезду" слащаво повторялись как свидетельство высшего достоинства. Эти ленинские фразы определяли в качестве абсолютной истины содержание многочисленных юбилейных конференций и редко какая статья о Бухарине или сборник его работ обходились без них.

Поскольку всякая истина конкретна, то напомним снова, что Ленин произнес эти слова в 1922 г. Поэтому для уточнения их смысла необходимо посмотреть, какими же высшими ценностями уже успел обогатить человеческий дух Бухарин именно к 1922 году, т.е. в чем он уже проявил себя в качестве "ценнейшего теоретика" и за какие же деяния партия к этому времени уже успела влюбиться в Бухарина, и действительно ли "вся" и без остатка.

Для ответа необходимо, во-первых, предварительно обозначить область тех определяющих теоретических и практических интересов Бухарина, которым он оставался верен и в ту пору и всю свою жизнь, чтобы не судить ошибочно по случайным и, может быть, дилетантским или не выношенным его выступлениям. Во-вторых, необходимо также вспомнить ту ситуацию, в которой к 1922 году очутилась "вся партия", влюбившаяся, согласно Ленину, в Бухарина.

Трудно сказать, чем за свою жизнь Бухарин только не занимался. Зарубежные компартии через Коминтерн он учил как делать революции. В качестве официального идеологического толкователя он разъяснял широкому люду генеральную линию партии и клеймил отступников. Академика Павлова он через свои статьи в "Правде" развязно обучал подлинному мировоззрению. На юбилейных торжествах он любил делать заглавные доклады о Дарвине, Геге, Марксе и др. Ученым он рекомендовал как лучше планировать научные открытия, а с трибуны Первого Всесоюзного Съезда писателей учил поэтов как писать стихи. По его учебникам, выражавшим официальную идеологию, свыше десятилетия воспитывались низовые партийные функционеры. Список этот неполон и одно лишь перечисление его занятий и высоких служебных должностей заняло бы немало места.

Но одной теме Бухарин был предан более всего. Подобно Мцыри, он "знал одной лишь думь: власть, одну, но пламенную

страсть". Этой думой был "переходный период" России к социализму. Очевидно и судить о деяниях Бухарина в первую очередь следует применительно к данной теме. Иными словами, Бухарин - это прежде всего одна из концепций одного из "переходных периодов", имевших место в России.

Здесь следует обратить внимание на следующий удивительнейший факт и задуматься над ним. Над Россией постоянно довлеют программы систематически сменяющихся "переходных периодов": от капитализма к социализму, затем - к коммунизму, потом опять к социализму ("зрелому, развитому" и т.п.). Сегодня, согласно распоряжению оказавшихся у власти "демократов", страна снова очутилась в каком-то переходном периоде. Сколь долго и куда она будет переходить - как обычно не сообщается. Куда призовут "переходить" завтра - предположить трудно. Испробовано вроде бы все. Иными словами, переходность превратилась в какой-то постоянный образ жизни. Причем, переходят, переходят, но никак не перейти². Это несбыточное состояние России еще должно стать предметом серьезнейшего осмысления с точки зрения глубинных причин этого состояния, его доктрин, главных инициаторов, носителей и результатов этих "переходов".

История с Бухариным - богатнейший материал и наглядное пособие для такого изучения. Он - один из генералов одного из "переходных периодов". Его имя не оставляли в покое и активно использовали в качестве пропагандистско-психологического инструмента в последующих "переходах".

Наиболее очевидными особенностями этих "переходных периодов", при всей специфичности каждого из них, можно было бы назвать следующие. Выбор целей, сроков и методов "переходов" неизменно совершался узким кругом лиц, за спиной народа и якобы от его имени. На словах провозглашенные замыслы никогда не совпадали с реальными конечными результатами, т.е. для народа "переходы" оказывались безрезультатными и деструктивными и вели от одного разочарования к другому. Поскольку настоящее всегда ставилось на службу будущим целям, а эти цели постоянно пересматривались и даже перечеркивались

---

² Еще Салтыков-Щедрин очень метко отмечал, что таким эпохам дают разные клички, которые однако ж все более или менее группируются вокруг одной, резюмирующей в выражении "переходной эпохи". И я со своей стороны - писал великий сатирик - нахожу, что все усилия оправдать жизненный сумбур какими-то таинственными переездами из одной исторической области (известной) в другую (неизвестную) по малой мере бесплодны. Но человек любит успокаиваться в ожидании будущих благ, даже если последние и не совсем были для него ясны.

(вчера - это строительство социализма, а сегодня - строительство капитализма, а завтра - неизвестно), то жизнь целых поколений обесценивалась и приносилась в жертву каким-то целям, самым этим поколениям неизвестным. Выбор времени тоже любопытен. Как только в развитии страны обозначалась устойчивая стабилизация, тут же подавался сигнал к новому "переходу" и "перестройке". Ненавистными для их инициаторов особенно оказывались государственность (правовой беспредел оправдывался "диктатурой пролетариата", борьбой за "правовое государство" и т.п.). Национальная культура и интеллигенция, крестьянство (подавляющая часть населения), христианская религия постоянно оказывались мишенью номер один. Предшествующая история с началом нового "перехода" тут же переписывается заново на потребу изменившимся обстоятельствам, что провоцирует конфликты поколений, а народ лишает истории.

Для русского народа общий результат этих "переходов" сегодня становится достоянием гласности, вопреки препонам "демократической" прессы и телевидения. Этот результат объединяется зловещим понятием геноцид - отторжение от национальной культуры и территории проживания, разрушение экономики, созданной предшествующими поколениями, и как итог - физическое вымирание. Сегодня в сорока центральных регионах России, где проживает более двух третей русского народа, гробов требуется больше, чем детских колыбелей. Вымирание уже началось, но "реформы" требуют "углубить" еще больше.

Нелепо даже поблизости помещать столь разноликие фигуры, как Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев, Ельцин, олицетворяющие определенные "переходные периоды", но факты говорят сами за себя. Хотя и с определенными вариациями и в разной форме, но все отмеченные особенности "переходных периодов" можно проследить по итогам их дел, словно бы все они, вопреки своим личным намерениям, оказывались носителями чьей-то незримой общей воли, стоящей за их спинами.

Степень и характер соучастия Бухарина в этих процессах интересуют историка не сами по себе, а для выяснения общего механизма и пружин постигавших Россию "переходных периодов". Прошлое требуется знать полностью ради будущего. Ради этого стоит изучать и генералов "переходов".

На одном месте Бухарин не стоял. Три этапа можно выделить в его попытках уложить Россию в собственные представления о желательном для нее "переходном периоде". Первый - когда он занял себя активным соучастием в преступлениях так называемого "военного коммунизма". Второй - НЭПовский, наибо-

лес любопытный с точки зрения попытки, пусть неудачной, обновить старую доктрину большевизма путем приспособления ее к объективным проблемам модернизации России и когда Бухарин восстал против сценария Троцкого, а затем и Сталина. Третий этап - с конца 20-х годов, когда вышинутый из большой политики Бухарин потерпел двойное поражение и в попытках одолеть Сталина и в попытках найти с ним компромисс.

Обратимся к первому периоду.

2. Идеолог палачества

Широкую популярность в качестве партийного публициста в годы "военного коммунизма" Бухарин обрел тремя своими монографиями. "Азбука коммунизма" (1919), "Экономика переходного периода" (1920), "Теория исторического материализма" (1921). К ним примыкали многочисленные заметки, статьи, доклады и т.д., разъяснявшие ту же идеологию военного коммунизма. Представляя свод элементарных истин марксистской политграммы, изложенных далеко не безупречно (что и отмечалось в рецензиях и дискуссиях), книги эти способствовали приобщению широкого читателя к марксизму. Поэтому они превратились (за исключением второй, самой неудачной) чуть ли не в обязательные учебники для совпартшкол, широко переводились на иностранные языки, издавались даже на эсперанто, что и сегодня выдается за неоспоримое свидетельство их ценности. Но массовому их тиражированию способствовали высокие служебные посты автора. Нечиновные деятели русской культуры находились совсем в ином положении, а многие подвергались дискриминации³.

---

³ Об этом можно составить представление, например, по уникальному заявлению в адрес Луначарского, комиссара по просвещению, от Всероссийского Союза писателей (1921). "Русское писательство, - говорилось в обращении к руководителю "культурного фронта", - три года ждет, что советская власть обратит внимание на условия, в которых гнетуще и мучительно бьется живая русская литература". "Нам понятно, что политическая государственная власть в первую голову и преимущественно посылает в читательские массы то, что соответствует политическим потребностям дня; нам понятно, что в години революции это стремление принимает всезахватывающие формы". Во многом виновата нехватка бумаги, разруха - соглашаются авторы обращения. "Но мы не можем примириться с тем, что ныне, в этом урезанном виде русскому писательству уже не отводится никакой доли, и что именно теперь, когда страна начинает оправляться от бурь, политика государственного издательства, монополизировавшего все русское книгопе-

С учетом этих обстоятельств следует расшифровывать оценку Бухарина, наводнявшего идеологический рынок своими работами, как "ценнейшего теоретика" этой поры. Его работы служили определенному целенаправленному формированию общественного сознания.

Названные монографии компилятивны и эклектичны и, если заслуживают внимания, то не в силу литературных или научных достоинств, глубины и новизны мысли. Здесь они более, чем посредственны. Ни одной оригинальной и свежей мысли автора в них нет. Его работы интересны как социальный симптом и свидетельство отношения к России у определенного "интернационального" слоя, представители которого оказались у власти, но страну не понимали и не собирались понимать. Уверовав в свою богоизбранность, они не сомневались, что призваны Россией управлять, учить ее, проклинать и переделывать по своему образу и подобию. Достаточно просмотреть дооктябрьские работы Бухарина (их около четырех десятков - заметки, статьи), чтобы убедиться в скудости того умственного багажа, с которым он оказался у вершин власти после 1917 года. Поразительно, что в этих заметках тема России вообще отсутствует. Довольно удачными оказались работы Бухарина об империализме, но они написаны под сильнейшим влиянием интереснейшей работы Р.Гильфердинга "Финансовый капитал"(1909).

Пальма первенства в определении стратегии "военного коммунизма", на служении которому печатным словом и делом восходила звезда Бухарина, принадлежала старшему поколению - Ленину, а за ним шли Троцкий, Каменев и Зиновьев. Этот при-

---

чтение, делает молчание русской литературы явлением принципиальным: для русского писательства книг нет, ибо оно должно молчать. Мы с негодованием видим, что невольное стеснение литературы превращается в ее сознательное умерщвление". "Русская художественная, критическая, философская, историческая книга окончательно замуровывается. Из явления широкого значения превратилась в явление комнатного обихода для небольшого круга лиц... История не забудет отметить того факта, что в 1920 году, в первой четверти века двадцатого, русские писатели, точно много веков тому назад, до открытия книгопечатания, переписывали от руки свои произведения в одном экземпляре и так выставляли их на продажу в 2-3 книжных лавках в Союзе писателей в Москве и Петрограде, ибо никакого другого пути к общению с читателем им дано не было". И это в то самое время, когда "типографии все вместе взятые государственной властью в свое владение, взапуски выпускают сотни тысяч всяческих изданий" (Вестн. лит. 1921. N 4-5. С. 12). Тревогу о судьбах русской литературы в условиях этого духовного геноцида русского народа выражал Е.Замятин в заметке "И боюсь" (там же).